
УСАДЬБА И «УСАДЕБНЫЙ ТЕКСТ»

М. В. СТРОГАНОВ¹

*Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)*

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

ЯСНАЯ ПОЛЯНА И ФЕРНЕ

С конца XIX в. по наше время профессиональные историки культуры и рядовые путешественники сопоставляют усадьбу Вольтера Ферне и Ясную Поляну Л. Толстого как места литературных паломничеств. Стремясь завоевать массового читателя, писатели неизбежно провоцируют ситуацию массовой культуры, и акт почитания если и не заменяет акт чтения, то становится более значимым, чем само чтение. Недовольство Толстого этими посещениями противоречило его стремлению быть не только писателем, но и учителем жизни. Поэтому ограничивать литературные факты от бытовых нельзя и не нужно. Вне бытового контекста многие тексты утрачивают свое значение литературного факта.

Ключевые слова. Литературное паломничество, массовая культура, усадьба, литературный факт, Л. Толстой, Вольтер.

M.V. STROGANOV

Russian State University. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art)

Institute of World Literature. A.M. Gorky RAS

YASNAYA POLYANA AND FERNET

Since the end of the nineteenth century to this date, Voltaire's estate of Ferney and Leo Tolstoy's Yasnaya Polyana have been compared, by both professional historians of culture and private travelers, as places of literary pilgrimage. Striving to conquer the mass reader, writers inevitably provoke a situation peculiar to mass culture, and the act of worship, even if it does not replace the act of reading, becomes more significant than the reading itself. However, Tolstoy's resentment against those visits contradict his own desire to be not only a writer, but also a life teacher. Therefore, literary facts should not be separated from everyday ones. Outside an everyday context, many texts lose their significance of literary facts.

---

¹ Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», Институт славянской культуры), ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького.

Keywords: literary pilgrimage, mass culture, country estate, literary fact, Leo Tolstoy, Voltaire.

Тема данной статьи не нова, однако специальных работ об этом нет¹, а имеющиеся немногочисленные попутные замечания, хотя они и очень важны для нас, не ставят ее необходимым образом. Сопоставление Ясной Поляны и Ферне напрашивалось уже при жизни Л.Н. Толстого, когда стали появляться первые попытки осмыслить место русского писателя в мировом культурном пространстве. Уже Е. Соловьев в очерке жизни и литературной деятельности Толстого писал: «Ясная Поляна – родовое имение князей Волконских, перешедшее теперь к роду графов Толстых, – внешним своим видом ничем не отличается от обыкновенных барских поместий средней полосы России, и если имя его стало общеизвестным, то лишь потому, что здесь родился, провел свое детство и почти безвыездно всю вторую половину своей жизни Лев Николаевич Толстой. „Война и мир“, „Анна Каренина“ и все многочисленные произведения последних лет: „Исповедь“, „В чем моя вера“, „Смерть Ивана Ильича“, „Крейцерова соната“ и т.д. – были созданы в Ясной Поляне. Как Ферней Вольтера, или Коппе m-me Сталь, или Мекка Магомета, оно известно всему миру» – отмечает Е. Соловьев [Соловьев, 1894, с. 6]. Е. Соловьев говорит пока только о степени известности Ясной Поляны. В этом же плане сопоставляет Ясную Поляну и Ферне и современный рядовой турист: «Поместье, где провел последние 20 лет своей жизни Вольтер. Эдакая французская Ясная Поляна (кстати, последняя явно популярнее, в Ферне множества туристов мы не заметили). К сожалению, дом был закрыт на обеденный перерыв, но мы погуляли по парку, очень приятно» [Историческое поместье, электронный ресурс, https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g196701-d2249284-Reviews-Chateau_de_Voltaire-Ferney_Voltaire_Ain_Auvergne_Rhone_Alpes.html]. Разница в том, что Е. Соловьев представляет читателю начала XX в. Ясную Поляну и с этой целью сравнивает ее с Ферне, а современный русский турист представляет своему интернет-читателю Ферне и – для этого должен сделать обратный ход – сравнивает его с Ясной Поляной.

Вообще следует сразу сказать, что для сравнения этих двух поместий как таковых имеется очень мало оснований. Ясная Поляна, как справедливо писал Е. Соловьев, – это наследственное поместье Волконских, перешедшее к роду Толстых от матери Льва Николаевича. Ферне же – это благоприобретенное поместье Вольтера, он купил его в 1758 г., когда ему было 62 года. Очевидно, что Ясная Поляна не выбиралась, но вполне закономерно, что она находится в Центральной России (административно и географически) и в «глубине России» (провинциально). Ферне было выбрано вполне сознательно потому, что оно расположено на границе со Швейцарией. Наконец, всем известны слова Толстого: «Без своей Ясной Поляны я трудно

¹ См. едва ли не единственную работу, где собран материал на эту тему: [Полосина, 2008, с. 164-166].

могу себе представить Россию и моё отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его» [(Лето в деревне, 1858), Толстой, 1935, с. 262]. Совершенно очевидно, что Вольтер такие слова по отношению к Ферне сказать не мог.

Единственное основание, которое исследователь имеет для сопоставления этих поместий, – это актуальность их для общественного сознания. Человек может не читать ни Вольтера, ни Толстого, но среднестатистический француз знает о существовании Ферне, а среднестатистический русский знает о существовании Ясной Поляны. Ферне и Ясная Поляна являются составными элементами фольклоризованных образов Вольтера и Льва Толстого соответственно. Известно суждение, что для того, чтобы понять писателя, нужно посетить его родину. Можно аргументированно утверждать, что людей, посетивших Стратфорд на Эйвоне, гораздо больше, чем людей, которые прочитали или смотрели на театре «Бурю» Шекспира. То же самое можно сказать и о любом другом писателе. Можно было бы провести весьма любопытный (и полезный) эксперимент по социологии культуры, если опросить в течение двух-трех дней всех, кто в настоящее время посещает Ясную Поляну: что и когда они читали из Толстого. Общую картину ответов можно предсказать уже сейчас.

Но нас в настоящем исследовании интересует не бытование усадьбы как составной части мифологизированного образа писателя, а реальные посещения разного рода поклонниками, само явление литературного паломничества как таковое. Как мы уже видели, современный русский турист судит об известности усадьбы по степени ее посещаемости. Это вполне закономерный ход мысли. И сам Толстой отдал дань этой культурной традиции. Д.П. Маковицкий записал в дневнике следующий разговор с Толстым, который состоялся 3 марта 1905 г.: «Я вспомнил о памятнике Вольтеру в Ферне и сказал, что на надписи нет главного – что он открыл людям глаза на церковь».

Л. Н.: Неужели?

Я: Наверно, духовенство оказало влияние на составление надписи.

Л. Н.: Да, я там был. Помните... „Део“ и памятник Вольтеру – пирамида с отломанной верхушкой?» [Литературное наследство, 1979, кн. 1, с. 198].

Комментаторы ошибочно пишут, что Толстой имел в виду памятник Вольтеру в Ферне работы Э. Ламбера, установленный в 1890 г. и имевший надпись «Фернейскому патриарху, 1694–1758–1778» [там же, с. 502; автор примечаний А.С. Мелкова]. Но дело в том, что Толстой не мог его видеть, так как посетил Ферне значительно раньше. Вместе с тем те же комментаторы справедливо указывают, что тот «памятник», который упоминает Толстой, – это саркофаг в форме

усеченной пирамиды: он стоял в бывшей спальне Вольтера, и в нем до 1864 г. хранилась урна с сердцем Вольтера, на нем были высечены слова «Дух его везде, а сердце его здесь». Памятник архитектуре Леонару Раклю заказал в 1779 г. маркиз де Вилетт, который владел в то время замком Ферне, и в 1780 г. памятник уже стоял в спальне в нише с надписью под аркой. Позднее ниша была закрыта со стороны спальни и открыта со стороны гостиной, так что памятник остался на месте, а надпись в арке была повторена с другой стороны (см.: [Ferney-Voltaire, 1984, p. 46; Paillard Christophe, 2010, p. 30]).¹

Надпись же «Deo erexit VOLTAIR MDCCLXI» (Для Бога воздвиг ВОЛЬТЕР 1761), из которой Толстой произносит только первое слово, была начертана на фасаде церкви, которую Вольтер выстроил у въезда в усадьбу. В биографии Толстого посещение Ферне не зафиксировано, и запись Маковицкого является единственным свидетельством этого посещения. Поэтому комментаторы предполагают, что Толстой мог побывать в Ферне либо в 1857, либо в 1860–1861 гг., когда жил в Женеве, недалеко от Ферне. А.Н. Полосина сужает эту датировку, указывая, что «это могло произойти в 1857 г., когда Толстой более двух месяцев жил в Кларане и в Женеве и совершал поездки, прогулки по горным хребтам, деревням и городам Швейцарии» [Полосина, 2008, с. 164]. И с нашей точки зрения, это абсолютно справедливо, хотя следует подчеркнуть, что отличие посещения Ферне от литературного паломничества по мемориальным местам Руссо состояла в том, что о посещении мемориальных мест Руссо он настойчиво писал, а о посещении Ферне упомянул лишь раз в конце жизни. Подчеркнем при этом, что Толстой упоминает о Ферне так, что из его слов не ясно: видел ли он сам всё то, о чем говорит, либо всё это он вспоминает с чужих слов (одно дело – быть в Ферне, другое дело – видеть всё перечисленное).

Но свои литературные паломничества в окрестностях Женевы и Кларана Толстой совершил после смерти тех писателей, которые жили здесь (а Руссо и описал в своих книгах). Типологически эти литературные паломничества родственны современным поездкам экскурсантов в Ясную Поляну и Ферне. Нас же интересуют, как мы уже говорили, не посещения мемориально значимых мест потомками, а посещения литературных кумиров современниками. При внешнем сходстве прижизненные и посмертные литературные паломничества существенно различаются. Посмертные паломничества предполагают посещение музеев, а если таковые отсутствуют, то памятных мест; посмертные паломничества предопределены и предусмотрены культурной традицией. Посещение музея не нарушает покой писателя как частного лица и даже запрограммирован самим фактом существования музея: иначе для чего же он существует. Прижизненные литературные паломничества имеют другую природу. Не претендуя на большие обобщения, укажем только, что литературные паломники сродни хорошо известным в околomuзыкальной и околосинематографической

среде фанатским объединениям, вроде тех, которые пародийно изображены в фильме «Воздушный извозчик» (Герберт Раппопорт; 1943) или в фильме «Поющие под дождем» (Стенли Донен, Джин Келли; 1952). О «лемешевках», поклонницах С. Лемешева, см. также: [Львов, 1947; Сергей Яковлевич Лемешев, 1953; Грошева, 1960; Львов, 1965, с. 204-228; Лемешев, 1968; Лемешев, 1987; Кудрявцева-Лемешева, 2002]. Но еще до появления «лемешевок» существовали поклонники театральных актрис (см. об этом: [Гроссман, 1990, с. 331-359]), а еще ранее – поклонники писателей.

Дело в том, что европейская культура с конца XVII в. была литературоцентричной, поэтому в центре культуры находилась личность писателя, а не художника и не музыканта, и писатель был признанным властителем умов. Литературное паломничество рождается в рамках этой литературоцентричности и является ярким выражением ее. Знакомство с той или иной культурой предполагает в первую очередь посещение литературных кумиров. В частности, почти половина «Писем русского путешественника» посвящена литературным паломническим Н.М. Карамзину. Посещение природных объектов, конечно, важно, познание социального устройства и быта других стран необходимо, но без посещения литературных знаменитостей туристическая поездка оказывается неполноценной. Карамзин тяготел к немецкой культуре, и когда он едет по Германии и Швейцарии, то посещает те места, где может встретить интересующих его писателей и ученых: Канта в Кёнигсберге; Николаи, Рамлера, Карла Филиппа Морица в Берлине; Бека, Платнера, Вейсе в Лейпциге; Гердера, Гете, Виланда в Веймаре; Лафатера в Цюрихе; Бонне в Женеве (единственный франкоязычный писатель). К большинству из них Карамзин запасся рекомендательными письмами, с Лафатером имел уже предварительную переписку.

Даже если предварительной договоренности о встрече не было, путешественник без церемоний являлся в незнакомый дом, представлялся русским поклонником таланта хозяина и встречал обычно гостеприимно распахнутые двери. Лишь в Веймаре вышла загвоздка: Гердер и Виланд не сразу приняли Карамзина и не сразу доверились русскому путешественнику, а Гете оказался вообще недоступен, и, видимо, за это Карамзин более не упоминает его в своих письмах. Нам такая ситуация бесцеремонности не очень понятна, хотя в целом наше время куда более бесцеремонно обращается с известными личностями. Во времена же Вольтера такое незваное явление в дом известного писателя никого не шокировало. Более того, Вольтер сам был заинтересован в том, чтобы его дом как можно чаще наполнялся гостями. Дело в том, что Вольтер был невъездным и не имел возможности жить если не в самом Париже, то

хотя бы в культурных центрах Франции. Поэтому не случайно он купил Ферне буквально на границе Франции и Швейцарии: с одной стороны, это обеспечивало его личную безопасность, а с другой стороны, это доставляло ему столь необходимое для него общество.

Д.П. Маковицкий зафиксировал такой разговор в доме Л. Толстого 3 мая 1907 г.: «Л. Н. спросил Сергея Михайловича <Сухотина>, был ли в Фернее, где Вольтер построил себе дом на границе, половину на швейцарской, половину на французской земле. <...>

Л. Н. вспомнил, как какая-то русская барыня посетила больного Вольтера; он встал на колена в кресле, оперся руками на спинку и разговаривал с ней.

– Какая художественная подробность! – сказал Л. Н. – Когда я такую приведу мальчикам, они ее запомнят, а другое не заметят» [Литературное наследство, 1979, кн. 2, с. 427].

Паломничество С.М. Сухотина было посмертным. Но Толстой вспомнил и прижизненное паломничество, которое в «Литературном наследстве» оставлено без комментария. Вместе с тем определить «русскую барыню» довольно легко: это княгиня Е.Р. Дашкова, которая описала свою встречу с Вольтером в 1770 г. следующим образом: «На другой день по прибытии своем в Женеву я послала к Вольтеру спросить разрешения посетить его на следующий день вместе с моими спутницами. Он был очень болен, однако велел мне передать, что будет меня видеть и просит меня привести с собой кого мне будет угодно. <...>

В назначенный день я отправилась к Вольтеру. Меня сопровождали m-me Гамильтон, леди Райдер, госпожа Каменская, мой двоюродный брат Воронцов и господин Кэмпбель-Шауфильд. В предыдущую ночь Вольтер потерял более фунта крови, но запретил об этом говорить, опасаясь, что я не приду. Больной и слабый, он лежал на кушетке. Войдя в комнату и увидев, в каком он состоянии, я выразила свое сожаление, что его потревожила, тем более что, попросив меня отложить свое посещение на день или на два, он тем самым засвидетельствовал бы свое уважение ко мне, доказав, что считает меня способной понять, насколько драгоценно его здоровье и жизнь. Он поднял обе руки театральным жестом, как бы подчеркивая тем свое удивление, и воскликнул: „Как! У нее и голос ангельский!“ Он меня привел в смущение, так как я пришла послушать и поклониться ему, и мне и в голову не приходило, что он будет восхвалять даже мой голос. Я ему это высказала, и он, сказав мне какой-то комплимент, заговорил об императрице. Часа через полтора-два я собралась уходить; он не отпустил меня и попросил перейти на половину его племянницы, m-me Дени, и отужинать в его замке, отныне вполне заслуживающем это наименование; он обещал прийти также, но предупредил, что, не имея возможности сидеть, он будет

стоять на коленях возле меня. <Он страдал сильным геморроем.> <...> Вольтер пришел, поддерживаемый лакеем, и стал напротив меня на колени на кресле, повернутом спинкою в мою сторону; за ужином он стоял в таком же положении возле меня. <...> Когда я собиралась уезжать, Вольтер спросил меня, увидит ли он меня еще. Воспользовавшись этим, я попросила у него разрешения навещать его по утрам, чтобы говорить с ним вдвоем. Он согласился, и я пользовалась его разрешением во всё время моего пребывания в Женеве. В эти часы он был совершенно другим, и в его кабинете или в саду я находила того Вольтера, которого рисовало мне мое воображение при чтении его книг» [Дашкова, 1990, с. 126-128].

Дашкова фиксирует и заинтересованность Вольтера в посетителях, и кокетство старого философа, и пикантность его позы в креслах, и свое стремление воспользоваться всеми выгодами литературного паломничества: уж коли дорвалась до Вольтера, надо было посещать его каждое утро, и непременно наедине, поскольку это сообщало беседам особую доверительность. Толстой увидел в пикантной позе Вольтера ненавистную ему позу и остранил ее.

Другой факт литературного паломничества к Вольтеру широко известен благодаря А.С. Пушкину, который в послании «К вельможе», адресованном князю Н.Б. Юсупову, описал следующий эпизод образовательного путешествия последнего:

Посланник молодой увенчанной жены,
 Явился ты в Ферней – и циник поседельный,
 Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
 Свое владычество на Севере любя,
 Могильным голосом приветствовал тебя.
 С тобой веселости он расточал избыток,
 Ты лезть его вкусил, земных богов напиток.
 С Фернеем распротясь, увидел ты Версаль...

[Пушкин, 1948, с. 217].

Дадим сначала исторический комментарий, который даже в самых лучших работах об этом стихотворении отсутствует. В конце августа – начале сентября 1776 г. князь Н.Б. Юсупов, который в это время еще не был «посланником молодой увенчанной жены», то есть дипломатом императрицы, прибыл из Испании во Францию. И, видимо, сразу же (до посещения Парижа, что и отразил в своих стихах Пушкин) он посещает Вольтера, о чем тот сообщает своей царствующей корреспондентке Екатерине II. Однако письмо Вольтера в печати неизвестно, и мы можем судить о нем лишь по ответному письму Екатерины II от 1 октября 1777 г.: «В ответ на ваши письма следует мне вам сказать, во-первых, что ежели вы князем Юсуповым довольны, то и я должна отдать ему справедливость в том, что он

сделанным ему вами приемом, так же и разговорами, слышанными им в продолжение того времени, в которое он имел удовольствие вас видеть, прельщен чрезмерно» [Переписка Российской императрицы Екатерины Второя, 1802, с. 213].¹

Теперь о содержании этого фрагмента из стихотворения «К вельможе». Пушкин прямо объясняет личные причины: почему Вольтер, которому в 1776 г. было 82 года и который был очень болен, любезно принимал 26-летнего Юсупова. – Потому, что любил «свое владычество на Севере», дорожил своей международной славой и отношением Екатерины. Он и с Дашковой по этой же причине любезничал [Вацуру, 1974, с. 193-195]. Пушкин прямо объясняет и социальные причины такого поведения Вольтера. – «Умов и моды вождь проницательный и смелый», Вольтер на самом деле хотел быть в центре общественного внимания, и поэтому рассматривал литературное паломничество как форму проявления такого внимания и активно стимулировал его. Если понимать литературное паломничество как специфическую форму культурного поведения, а стимулирование его самим писателем как пропаганду своей личности (говоря по-современному, пиар), то в этом свете прижизненное литературное паломничество оказывается одной из форм массовой культуры.

Итак, в начале формирования прижизненного литературного паломничества находятся Вольтер и Юсупов; в конце этого пути – Лемешев и «лемешевки». Где-то между ними – Л. Толстой и многочисленные посетители Ясной Поляны. И чуть позднее местом такого прижизненного литературного паломничества становится Низовка, родная деревня поэта-пахаря Спиридона Дрожжина. Низовка стала популярным местом паломничества уже в самом начале XX в.; Р. Рильке, как известно, посетил Толстого и Дрожжина в их собственных усадьбах [Строганов, 2016]. А после 1917 г. Низовка превратилась в уникальное место по частотности посещений, которые сам поэт старательно фиксировал в своем дневнике. Советская власть по-своему поддерживала эти паломничества, пропагандируя поэзию Дрожжина как творчество освобожденного революцией народа, и переименовала деревню Низовку еще при жизни поэта в Дрожжино. Но вскоре после смерти поэта Низовка-Дрожжино была затоплена Ивановским водохранилищем, прах поэта и его дом были перенесены в поселок Новозавидовский и стали местом посмертного литературного паломничества. Этот феномен требует специального разговора.

Понятно, что Л. Толстой за модой не гнался. Но стремление распространить свои взгляды как можно шире заставляло его принимать у себя самых разных людей, в том числе и тех, кого Софья Андреевна называла «темными». В.Я. Лакшин обратил внимание на

¹ Из личной беседы авторов статьи с Н.И. Митягиной.

то, что дом Л. Толстого посещали люди разных направлений и взглядов и сравнил эту ситуацию с Ферне: «В самом деле, примерно с 1885 года в Ясную Поляну, как некогда в Ферней к Вольтеру, стекались паломники, желавшие видеть писателя и говорить с ним. Зимы Толстой обычно проводил в Москве, и его дом в Долго-Хамовническом переулке осаждали тогда корреспонденты русских и иностранных газет, давние почитатели „Войны и мира“, новообращенные последователи его философии, да и просто любопытствующие. Его гостями бывали студенты, курсистки, фабричные рабочие, учителя, сектанты, крестьяне отдаленных губерний, семинаристы, репортеры, священники, актеры, ученые, музыканты, художники, врачи, юристы, ремесленники... Двери дома были гостеприимно открыты, и никому не было заказано ступить на его порог – даже никаких предварительных рекомендаций не требовалось» [Лакшин, 1986, с. 4]. Мы не знаем, читал ли, а если читал, то помнил ли В.Я. Лакшин книгу Е.А. Соловьева о Л.Н. Толстом. Мы полагаем, что сходство между этими авторами отражает типичный ход мысли. Кроме того, параллель Ясная Поляна – Ферне была на слуху.

Для формирования литературного паломничества писатель должен был обязательно поселиться вне крупных городских центров, лучше всего в усадьбе. Вследствие этого неизбежно формируется неформальная духовная столица, находящаяся в оппозиции к официальной власти. Относительно Л. Толстого это описано во множестве работ. Применительно к Вольтеру эту ситуацию прекрасно описал Ю.М. Лотман: «Вольтер снова оказался на распутье: пути во Францию были для него небезопасны, в Германии, он убедился, нет угла, защищающего от прусского произвола. Правда, был еще Лондон, его усиленно приглашали ко двору в Вену, но он не стал искать себе новых коронованных покровителей: с королями было покончено. Вольтер-человек нашел практический выход: он купил в Швейцарии, недалеко от французской границы, небольшое поместье Ферне, расположение которого обеспечивало ему безопасность, а доходы – независимость. Вольтер-философ искал других решений: надежды на добрую волю просвещенных монархов были подорваны в корне. Однако Вольтер понял, что есть власть более могущественная, чем королевская, и царство более обширное. Царство это предстояло создать и власть в нем завоевать. Царство это было – европейское Общественное Мнение. Именно Вольтер был создателем общественного мнения как культурной и политической реальности, с которой вынуждены были считаться короли и кардиналы. Несправедливых правителей он вызывал на публичный суд совести, смело вторгаясь в область административной, судебной или дипломатической тайны. Луч света, направленный в области,

окутанные бюрократической тайной, громкое слово о том, что казалось осужденным на вечное безмолвие, сразу обнаружили бессилие тех, чья власть в темноте и безгласности казалась безграничной. Ферне сделался столицей Общественного Мнения, а Вольтер – его царем, чью власть были вынуждены признать все монархи Европы, поддерживая с ним дипломатические отношения как с главой подлинного правительства. Борьба с закоренелыми предрассудками, злоупотреблением властью, произволом, которую Вольтер вел одним единственным оружием – оружием нескланного слова, – сделалась его основным жизненным занятием. Именно Вольтер заставил людей европейской культуры осознать, что в основе демократии лежит общественное мнение, без которого любые, наилучшим способом сформулированные законы, – мертвы» [Лотман, 2005, с. 203-204].

Таким образом, ситуация литературного паломничества принадлежит высокой культуре, поскольку вызывает к общественному мнению и не преследует популистских целей. Более того, можно сказать, что вокруг элитной литературной фигуры собирается избранная, элитная публика. В случае с Л. Толстым это так же очевидно, как и в случае с Вольтером. Высокие интеллектуалы и «темные» мужики в равной степени были элитной публикой, поскольку и те, и другие самим фактом своего обращения за духовной помощью к Л. Толстому сознательно декларировали свое отношение к официальной власти.

Всё это совершенно справедливо, хотя необходимо учесть следующее. Для того чтобы писатель стал властителем умов и мог независимо от официальных институтов власти формировать общественное мнение, литература должна была стать массовым явлением, то есть явлением, доступным массе людей и востребованным массой людей. Адресантом литературного текста в этой ситуации становились не только высшие слои населения, но и те, которые ранее не интересовались и не могли интересоваться печатным словом по причине своей неграмотности и невыносимо тяжелого труда.

Но обратившись к массовому читателю, литература неизбежно провоцирует ситуацию массовой культуры, как бы потом она не отрещивалась от нее. И прижизненное литературное паломничество оказывается явлением массовой культуры, поскольку в этом случае акт почитания если и не заменяет собой акт чтения, то в любом случае становится более значимым, нежели чтение как таковое. Всё, что сказал Л. Толстой, он сказал в своих книгах и статьях. И ездить к нему за советами было незачем. Между тем, прочитав ту или иную работу Толстого, люди шли к нему и спрашивали о самых элементарных вещах: делать им то или иное дело, или не делать. Получается, что читали ль они или не читали сочинения Толстого, – это совершенно одно и то же. Толстой очень часто выражал неудовольствие

посещениями подобного рода и говорил, что он всё уже написал, и вместе с тем он продолжал принимать в Ясной Поляне своих паломников. Остаться только писателем и отказаться от роли учителя жизни он и не мог, и не хотел. Это входило в те правила игры, которые сформировал Вольтер в Ферне.

В 1923 г. Б.В. Томашевский в статье о литературе и биографии утверждал, что для истории литературы биография писателя является внешним (необходимым, но не обязательным) материалом. Однако он признавал, что читатели уже с XVIII в. испытывают интерес к жизни писателей, и в центры паломничества превращаются как места их жизни (он приводил в пример и Ферне, и Ясную Поляну), так и освоенные литературой локусы (в частности пруд, в котором, утопилась «бедная Лиза» Карамзина). Б.В. Томашевский признавал, что такая контаминация литературного и бытового рядов неизбежна, но именно поэтому он призывал историка литературы разграничивать факты литературные и бытовые [Томашевский, 1923].

Мы же из той же самой посылки делаем иные выводы. Отграничивать литературные факты от фактов бытовых, во-первых, не всегда можно, а во-вторых, никогда не нужно. Невозможно отграничить литературные тексты позднего Толстого от той гущи приезжавших-уезжавших людей, которые ежедневно толпились в Ясной Поляне: без этого многие из этих текстов могут утратить свое значение литературного факта. И не нужно отграничивать литературную позицию Вольтера от его кокетничания перед русскими путешественниками: без них также не удастся понять, почему Вольтер писал те или иные тексты. Таковы некоторые выводы из нашей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вацуру, В. Э. «К вельможе» / В.Э. Вацуру // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 177-212.

Гроссман, Леонид. Записки д'Аршиака. Пушкин в театральном кресле: Картины русской сцены 1817–1820 годов / Леонид Гроссман. – Москва: Художественная литература, 1990. – 460 с.

Грошева, Е. Сергей Яковлевич Лемешев / Е. Грошева. – Москва: Советский композитор, 1960. – 32 с.

Дашкова, Е. Литературные сочинения / Н.Р. Дашкова. – Москва: Правда, 1990. – 368 с.

Европейские писатели и мыслители. IV: Вольтер и Екатерина II. – Санкт-Петербург: Изд.-во В.В. Чуйко; Тип. газеты «Новости», 1882. – 248 с.

Историческое поместье // Chateau de Voltaire. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g196701-d2249284-Reviews-Chateau_de_Voltaire-Ferney_Voltaire_Ain_Auvergne_Rhone_Alpes.html. (14.03.2019).

Кудрявцева-Лемешева, В. Н. Рядом с С.Я. Лемешевым / В.Н. Кудрявцева-Лемешева. – Москва: Музыка, 2002. – 904 с.

Лакшин, Владимир. Лев Толстой глазами современников / Владимир Лакшин // Интервью и беседы с Львом Толстым / Составление и комментарии В.Я. Лакшина. – Москва: Современник, 1986. – 525 с. (Библиотека «Любителям российской словесности»).

Сергей Яковлевич Лемешев / Государственный Ордена Ленина Академический Большой театр СССР. – Москва: Искусство, 1953. – [16 с.]

Лемешев, С. Я. Путь к искусству / С.Я. Лемешев. – Москва: Искусство, 1968. – 312 с.

Лемешев С. Я. Из биографических записок. Статьи. Беседы. Письма. Воспоминания о С. Я. Лемешеве / Сост. и ред. Е. Грошева. – Москва: Советский композитор, 1987. – 400 с. (Деятели музыкального театра).

Литературное наследство. Т. 90: У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 1: 1904–1905. – Москва: Наука, 1979. – 544 с.

Литературное наследство. Т. 90: У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 2: 1906–1907. – Москва: Наука, 1979. – 687 с.

Лотман, Ю. М. В мире гротеска и философии / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Воспитание души: Воспоминания. Беседы. Интервью. В мире пушкинской поэзии (сценарий). Беседы о русской культуре. Телевизионные лекции. – Санкт-Петербург: Искусство–СПб, 2005. – С. 203–204.

Львов, М. С.Я. Лемешев / М. Львов. – Москва; Ленинград: Музгиз, 1947. – 52 с.

Львов, М. Русские певцы / М. Львов. – Москва: Музыка, 1965. – 264 с.

Переписка Российской императрицы Екатерины Второя с г. Вольтером / Пер. М. Антоновский. – Санкт-Петербург: Имп. АН, 1802. Ч. II. – 246 с.

Полосина, А. Н. Образ Вольтера в восприятии Л.Н. Толстого / А.Н. Полосина // О литературе, писателях и читателях: Сборник научных трудов памяти Г.Н. Ищука. Вып. 2. – Тверь: Золотая буква, 2008. – С. 159–168.

Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А.С. Пушкин. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. Т. III, кн. 1. – 635 с.

Соловьев, Евгений. Лев Толстой. Его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. С портретом Толстого, гравированным в Петербурге К. Адом / Евгений Соловьев. – Санкт-Петербург: Банковская скоропечатня инженера И.Г. Гершуна, 1894. – 160 с. – С. 6. («Жизнь замечательных людей»: Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

Строганов, М. В. Рафинированное и простонародное. Рильке и Андреас-Саломе в гостях у Дрожжина / М.В. Строганов // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. [Электронный журнал]. – 2016. – № 3-4. – С. 71–85. – URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/09/Stroganov.pdf>. (15.03.2019).

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л.Н. Толстой – Москва: ГИХЛ, 1935. Т. 5. – 374 с.

Томашевский, Б. В. Литература и биография / Б.В. Томашевский // Книга и революция. –1923. – № 4 (28). – С. 6-9.

[Юсупов, Н. Б.] О роде князей Юсуповых, собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним Российских государей с XVI до половины XIX века, и других фамильных бумаг, с присовокуплением поколенной росписи предков князей Юсуповых с XVI-го века: В 2 ч. – Санкт-Петербург: Тип. Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1866. Ч. 1. – 192 с.

Ferney-Voltaire, pages d'histoire. – Annecy: Gardet, 1984. – 368 p.

Paillard Christophe. Voltaire en son château de Ferney, Paris: Centre des Monuments Nationaux; Éditions du Patrimoine, 2010. – 64 p.

REFERENCES:

Vacuro, V. E. «K velmoje» / V.E. Vacuro // Stihotvoreniya Pushkina 1820–1830-h godov: Istoriya sozdaniya i ideino-hudojestvennaya problematika. – Leningrad: Nauka, 1974. – S. 177-212.

Grossman, Leonid. Zapiski d'Arshiaka. Pushkin v teatralnih kreslah. Kartini russkoi sceni 1817–1820 godov / Leonid Grossman. – Moskva: Hudojestvennaya literatura, 1990. – 460 s.

Grosheva, E. Sergei Yakovlevich Lemeshev / E. Grosheva. – Moskva: Sovetskii kompozitor, 1960. – 32 s.

Dashkova, E. R. Literaturnie sochineniya / N.R. Dashkova. – Moskva: Pravda, 1990. – 368 s.

Evropeiskie pisateli i misliteli. IV. Volter i Ekaterina II. – Sankt-Peterburg: Izd.-vo V.V. Chuiko; Tip. gazeti «Novosti», 1882. – 248 s.

Istoricheskoe pomeste // Chateau de Voltaire. [Elektronii resurs]. – URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review_g196701_d2249284_Reviews_Chateau_de_Voltaire_Ferney_Voltaire_Ain_Auvergne_Rhone_Alpes.html. (14.03.2019).

Kudryavceva- Lemesheva, V. N. Ryadom s S.Ya. Lemeshevim / V.N. Kudryavceva-Lemesheva. – Moskva: Muzika, 2002. – 904 s.

Lakshin, Vladimir. Lev Tolstoi glazami sovremennikov / Vladimir Lakshin // Intervyu i besedi s Lvom Tolstim / Sostavlenie i kommentarii V.Ya. Lakshina. – Moskva: Sovremennik, 1986. – 525 s. (Biblioteka «Lyubitelyam rossiiskoi slovesnosti»).

Sergei Yakovlevich Lemeshev / Gosudarstvennii Ordena Lenina Akademicheskii Bolshoi teatr SSSR. – Moskva: Iskusstvo, 1953. – [16 s.]

Lemeshev, S. Ya. Put k iskusstvu / S.Ya. Lemeshev. – Moskva: Iskusstvo, 1968. – 312 s.

Lemeshev S. Ya. Iz biograficheskikh zapisok. Stati. Besedi. Pisma. Vospominaniya o S. Ya. Lemesheve / Sost. i red. E. Grosheva. – Moskva: Sovetskii kompozitor, 1987. – 400 s. (Deyateli muzikalnogo teatra).

Literaturnoe nasledstvo. T. 90. U Tolstogo. 1904–1910. «Yasnopoljanskije zapiski» D. P. Makovickogo. Kn. 1: 1904–1905. – Moskva: Nauka, 1979. – 544 s.

Lvov, M. S. Ya. Lemeshev / M. Lvov. – Moskva; Leningrad: Muzgiz, 1947. – 52 s.

Literaturnoe nasledstvo. T. 90: U Tolstogo. 1904–1910. «Yasnopoljanskije zapiski» D.P. Makovickogo. Kn. 2: 1906–1907. – Moskva: Nauka, 1979. – 687 s.

Lotman, Yu. M. V mire groteska i filosofii / Yu.M. Lotman // Lotman Yu.M. Vospitanie dushi. Vospominaniya. Besedi. Intervyu. V mire pushkinskoi poezii _scenarii. Besedi o russkoi kulture. Televizionnie lekcii. – Sankt_Peterburg: Iskusstvo–SPB, 2005. – S. 203-204.

Lvov, M. Russkije pevci / M. Lvov. – Moskva: Muzika, 1965. – 264 s.

Perepiska Rossiiskoi imperatricy Ekaterini Vtoriya s g. Volterom / Per. M. Antonovskii. – Sankt_Peterburg: Imp. AN, 1802. Ch. II. – 246 s.

Polosina, A. N. Obraz Voltera v vospriyatii L.N. Tolstogo / A.N. Polosina // O literature _pisatelyah i chitatatelyah _Sbornik nauchnih trudov pamyati G.N. Ischuka. Vip. 2. – Tver: Zolotaya bukva, 2008. – S. 164-166.

Pushkin, A.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t. / A.S. Pushkin. – Moskva; Leningrad: Izd_ vo AN SSSR, 1948. T. III, kn. 1. – 635 s.

Solovev, Evgenii. Lev Tolstoi. Ego jizn i literaturnaya deyatelnost. Biograficheskii ocherk. S portretom Tolstogo, gravirovannim v Peterburge K. Adtom / Evgenii Solovev. – Sankt-Peterburg: Bankovskaya skoropechatnaya inzhenera I.G. Gershuna, 1894. – 160 s. – S. 6. («Jizn zamechatelnyh lyudei»). Biograficheskaya biblioteka F. Pavlenkova).

Stroganov, M. V. Rafinirovannoe i prostonarodnoe. Rilke i Andreas_Salome v gostyah u Drojjina / M.V. Stroganov // Labirint _jurnal socialno-gumanitarnih issledovanii. [Elektronnij jurnal]. – 2016. – № 3-4. – S. 71-85. – URL: http://journal_labirint.com/wp_content/uploads/2016/09/Stroganov.pdf. _15.

Tolstoi, L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. / L.N. Tolstoi. – Moskva: GIHL, 1935. T. 5. – 374 s.

Tomashevskii, B. V. Literatura i biografiya / B.V. Tomashevskii // Kniga i revolyuciya. –1923. – № 4 (28). – S. 6-9.

[**Yusupov, N. B.**] O rode knyazei Yusupovih: sobranie jizneopisanii ih gramot i pisem k nim Rossiiskih gosudarei s XVI do polovini XIX veka i drugih familnyh bumag, s prisovokupleniem pokolennoi respisi predkov knyazei Yusupovih s XVI-go veka: V 2 ch. – Sankt-Peterburg: Tip. N. Tiblena i K°N. Neklyudova, 1866. Ch. 1. – 192 s.